УДК 94:338.43
DOI 10.17223/19988613/34/11

О.В. Усольцева

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ИЗМЕНЕНИЯ СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-х – НАЧАЛЕ 1960-х гг.

Анализируется главный для второй половины 1940-х – начала 1960-х гг. фактор изменения сельского расселения в Томской области. Рассматривается влияние социально-экономического развития томской деревни, в частности тяжёлой ситуации в сельскохозяйственном производстве северных районов области, на нарастание миграции из села и, как следствие, обезлюживания сельских населённых пунктов и их исчезновения. Характеризуются нарабатанные крестьянами за время их сосуществования с колхозами адаптационные практики, в которых власть видела лишь угрозу для общественного производства. Констатируются изменения в логике адаптационного поведения крестьян, вызванные произошедшим у них мировоззренческим переломом под влиянием попытки власти принудить колхозников к большей работе в колхозах путём ограничения личных подсобных хозяйств. Это, в свою очередь, усилило и без того сильную миграцию крестьян из деревни. В итоге власть вынуждена была перейти к регулированию этих процессов посредством расселенческой политики.

Ключевые слова: сельское расселение; вторая половина 1940-х – начало 1960-х гг.; Томская область; миграции.

Коллективизация советской деревни повсеместно видоизменила сельское расселение. Основная производственная единица сельского хозяйства – крестьянский двор, сменилась коллективным хозяйством, которое объединило производственно-демографические усилия крестьянских дворов. Жизнеспособность доколхозной деревни как поселенческой единицы в обычных условиях не зависела от количества крестьянских хозяйств от их производственно-демографического состояния. А вот численность жителей колхозной деревни как рабочей силы, необходимой для «обрабатывания» исторически заданной производственной мощности колхозного производства, стала необходимым экономическим показателем, другими словами, индикатором жизнеспособности деревни как таковой. Как следствие деревня неизбежно стала более чуткой к социально-экономической действительности, внешней и внутренней по отношению к ней, и к целенаправленной расселенческой политике. Изменение сельского расселения в послевоенном СССР не могло не быть следствием этих двух факторов.

Расселенческой политике в отношении села, сложившейся в начале 1960-х гг. и свидетельствовавшей о полном несоответствии «имевшейся в наличии» деревни модернистским представлениям об индустриальном сельском хозяйстве, предшествовали периоды жёсткого колхозного строительства, испытания колхоза как основной ячейки мобилизованной войной сельскохозяйственного производства и адаптации колхозного крестьянства к послевоенной социально-экономической действительности. Расселенческая политика как комплекс мероприятий по преобразованию сельской поселенческой сети выразилась в создании с начала 1960-х гг. проектов районных планировок, содержащих в себе списки подлежащих сселению перспективных сельских населённых пунктов, и в проведении запланированных сселений.

Ранее же, с середины 1940-х и до начала 1960-х гг., сельские населённые пункты исчезали стихийно, определяющее влияние на развитие поселенческой сети

оказывали исключительно социально-экономические процессы, проходившие на селе. Индустриализация и коллективизация вызвали серьёзный отток населения из деревень, вслед за этим деревня приняла на себя основные тяготы военной мобилизации мужского населения страны. А за годы Великой Отечественной войны количество трудоспособного сельского населения Томской области, на примере которой представляется целесообразным рассмотреть заявленную тему, столь актуальной для извлечения уроков из прошлого, сократилось со 104,5 до 41,5 тыс. человек [1. Л. 140]. Всё это привело в определённый момент к обезлюдению маленьких деревень, трагическая участь которых была предрешена.

К послевоенной деревне, необратимо колхозной по своему сельскохозяйственному производству, была адресована целенаправленная социально-экономическая политика. Суть её заключалась в повышении эффективности колхозного производства. Сельской поселенческой сети исторически предстояло выдержать испытание на предмет: быть или не быть структурообразующей единицей сельскохозяйственного производства.

В 1946–1950 гг. количество трудоспособного сельского населения Томской области росло главным образом за счёт естественного прироста и демобилизации из армии. Кроме того, в колхозы Томской области было завезено 20,2 тыс. спецпереселенцев, из них 14,2 тыс. человек были трудоспособными. Однако одновременно с этим Министерство трудовых резервов СССР завербовало в городах и районах области в порядке оргнабора для работы в лесной отрасли и вывезло за пределы области 17 тыс. человек. Кроме того, 10 тыс. молодых людей, около 80% из которых были взяты из колхозов, было направлено в ремесленные, железнодорожные училища и школы фабрично-заводского обучения [Там же]. В январе 1950 г. по постановлению Совета Министров СССР раскулаченные крестьяне, высланные в 1930–1935 гг., окончательно были сняты с учёта спецпоселения и получили право на выезд [2. Л. 15]. Вос-

пользовавшись этим правом, они стали массово покидать деревню, уезжая в основном в прежние места жительства, а также в города и районные центры Томской и соседних областей.

Многие недовольные условиями жизни колхозники уходили из колхозов самовольно. Так, к примеру, в 1950 г. все колхозы Колпашевского района по оргнабору рабочей силы отдали в лесную и рыбную промышленность 78 человек, а самовольно покинуло колхозы под различными предлогами 213 хозяйств [3. Л. 192]. Из колхоза «Молот» Шегарского района за 1950 и 1951 гг. выбыло 200 человек, значительная часть из них самовольно. Самовольно ушедшие из колхозов люди устраивались работать в районных учреждениях, заготовительных, торговых и промышленных организациях [4. Л. 190–191].

Основной причиной выбытия населения из колхозов было их тяжёлое экономическое положение из-за трудностей восстановительного периода. Побывавший в 1950 г. в Васюганском районе, население которого в период с 1940 по 1950 г. уменьшилось с 2 693 до 1 500 человек [5. Л. 59–60], председатель Томского областного комитета радиоинформации Е. Ельцов сообщал секретарю Томского обкома ВКП(б) И.А. Смольянинову о своих наблюдениях следующее. В районном центре Новый Васюган в конце 1940-х гг. были построены новые здания, в том числе электростанция, баня, районный дом культуры с библиотекой, более 160 новых домов для колхозников. Посёлок стал довольно чистым и благоустроенным. Но в колхозах, расположенных в глубине района по течению р. Васюган, он обнаружил большое запустение и отсутствие во многих домах жителей. Рабочих рук в этих колхозах не хватало, люди уезжали, от этого в районе не удавалось восстановить довоенный уровень сельскохозяйственного производства. План сева не выполнялся, был большой падёж скота, не хватало кормов [5. Л. 60].

О серьёзности этой проблемы 5 апреля 1951 г. на областном совещании по вопросам сельского хозяйства говорил секретарь Томского обкома ВКП(б) А. Сёмин. Он констатировал, что население из колхозов северных районов области выбывало, посевные площади уменьшались, планы производства сельскохозяйственной продукции не выполнялись. Ключевой причиной как низких объёмов сельскохозяйственного производства, так и непрекращающегося выбытия из колхозов рабочей силы он называл уже сложившийся дефицит последней в объёме 20–23%. Иными словами, доходность многих колхозов была очень низка, поэтому колхозники плохо обеспечивались хлебом и деньгами. Это, в свою очередь, вызывало у многих колхозников желание уйти из колхоза [6. Л. 2, 7, 12].

В своём выступлении А. Сёмин привёл в пример деревню Шудельку Колпашевского района, которая в 1940-е гг. сильно уменьшилась. В частности, в ней до войны обрабатывали около 2000 гектар земли, а к концу 1940-х гг. только 300–400 гектар. Он отмечал, что

под разными предлогами, например на учёбу, уезжала молодёжь, и в деревне оставались только пожилые жители. А Сёмин сокрушался, что «такие Шудельки» есть в каждом северном районе области и что «колхозы обезлюживают» [6. Л. 16].

Ещё на один аспект данной темы обращал внимание Пудинский райком ВКП(б) в июне 1951 г. Районные власти констатировали, что более ста учащихся школ района закончили 7–10 классов, но в сельскохозяйственные учебные заведения ни один из них не поступил. Интересы к деревне у них не было, они даже не знали, какие породы скота имел колхоз, в котором они жили. По окончании учебных заведений они в район не возвращались [7. Л. 4].

Массовое выбытие сельского населения неминуемо приводило к недостатку рабочей силы в колхозах. Александровский райисполком констатировал «серьёзное напряжение с рабочей силой в этих колхозах и ухудшение от этого их хозяйственно-финансовой деятельности». Так, в конце 1949 г. в колхозе им. Ворошилова Ново-Никольского сельсовета Александровского района было 54 трудоспособных, в то время как необходимо было 78, в колхозе «Красный Сибиряк» Александровского сельсовета было 61, а нужно было 79, в колхозе им. 1 Мая Александровского сельсовета было 73 и не хватало 21, в колхозе им. Свердлова не хватало 24, в колхозе им. Чкалова – 16. Всего по пяти колхозам не доставало рабочей силы 103 человека [8. Л. 20–21].

В Каргасокском районе в период с 1940 по 1953 г. выбыло 3 149 трудоспособных (в среднем 225 человек в год), в 1954 г. – 352, в 1955 г. – 151, в 1956 г. – 393, в 1957 г. – 296, в 1958 г. – 195, в 1959 г. – 442. Выбытие продолжалось и в 1960 г., за первый квартал 1960 г. выбыло 98 человек. Из колхозов приходила информация, что с открытием навигации планировали уехать 63 семьи, в которых было 107 человек трудоспособных [2. Л. 25]. В Колпашевском районе за тот же период выбыло 630 хозяйств с общим количеством населения 3 891 человек [Там же]. В отдельных колхозах Парабельского района за этот период число трудоспособных сократилось в три и более раза. Например, в колхозе «Красный Октябрь» численность трудоспособных сократилась с 229 до 72 человек, в колхозе «Победа» – с 285 до 72, в колхозе им. 1 Мая – с 221 до 53 человек [Там же. Л. 21].

Численность сельского населения уменьшалась также из-за того, что в деревню почти не возвращались молодые люди, призванные на службу в армию. Так, с 1953 по 1960 г. горвоенкоматом из Колпашевского района были призваны в армию 346 колхозников, из них после демобилизации в колхозы возвратились только 39 человек [Там же. Л. 18].

Угнетающим фактором колхозного производства было отвлечение колхозников от непосредственной работы в колхозах, масштаб которого был велик. В начале 1951 г. в колхозах области насчитывалось всего

71,5 тыс. человек трудоспособного населения [1. Л. 141]. Из них в зиму 1950–1951 гг. 9 200 колхозников работали на предприятиях лесной промышленности области, 1 200 выполняли работу по подвозке сена к лесозаготовительным предприятиям, 3 000 в соответствии с указанием Совета министров СССР были направлены на лов рыбы и охотничий промысел, 650 колхозников занимались перевозкой почты, 6 350 находились на постоянных работах по руководству колхозным хозяйством (председатели, бухгалтеры, счетоводы, бригадиры), 9 320 заняты на физических работах (шофёры, механики, кузнецы, шорники, на подсобных предприятиях), 4 260 колхозников были трактористами, комбайнёрами и работали в МТС по ремонту тракторного парка. Таким образом, в зимнее время для работы по подвозке кормов, уходу за скотом и подготовке к весеннему севу в колхозах области фактически оставалось не более 35–36 тыс. человек. В их числе было 8 тыс. инвалидов Великой Отечественной войны, а остальные были женщины с детьми до 8-летнего возраста [Там же. Л. 142]. Потребность же колхозов в людях зимой составляла 71,1 тыс. человек, а летом ещё больше. В период уборки урожая 1950 г. дефицит рабочей силы в колхозах области составлял 61 тыс. человек [Там же. Л. 143].

Таким многочисленным и длительным отвлечением людей от работы в колхозах выхолащивалась сама имманентная природа деревни как сосредоточия сельскохозяйственной деятельности. Крестьянский труд и деревня как основные институты страхования от голода девальвировались. Это, несомненно, ещё больше провоцировало миграции и тем самым делало сельскую поселенческую сеть менее прочной и устойчивой.

Слабая жизнеспособность сельских населённых пунктов во многом предопределялась тем обстоятельством, что значительная часть территории Томской области, а именно её северные районы, были заселены лишь в 1930-е гг. спецпереселенцами и население в них ещё не успело укорениться. В январе 1950 г. Томский обком ВКП(б), отчитываясь Центральному комитету партии, утверждал, что северные районы Томской области (Александровский, Васюганский, Верхнекетский и Пудинский) к этому времени экономически ещё не сложились и не были освоены, они были слабо заселены (плотность населения составляла в среднем 0,34 человек на 1 кв. км). Транспортное сообщение в этих районах было крайне затруднено из-за большой отдалённости и отсутствия дорог. Зимой сообщение было возможно лишь на лёгких самолётах. Заселение этих районов осуществлялось административным путём через спецкомендатуры МВД ссыльными кулаками большей частью из Алтайского края, а также из центральных районов страны и, позднее, в 1940–1948 гг., ссыльными из прибалтийских республик, западных районов Украины и Бессарабии [2. Л. 16]. К 1950 г. коренное население в этих районах составляло лишь 20–25%. К тому же заселение производилось без учёта

специфических условий районов и перспектив их экономического развития, годы войны не способствовали определению основного профиля и хозяйственному росту этих районов.

Изначально основные доходы колхозы получали от подсобных промыслов и общественного животноводства, однако в 1940 г. их обязали сдавать государству хлеб. Вынужденная переориентация трудовых ресурсов с доходных промыслов на менее доходное зерновое производство, осложнённое ограниченностью и низким качеством пашни, тяжёлыми климатическими условиями, малочисленностью людских и тягловых ресурсов, привела к значительному ухудшению их экономического положения. В этой связи в колхозах северных районов за период с 1940 по 1948 г. численность населения уменьшилась почти в два раза, с 44 200 до 24 400 человек [9. Л. 177–179]. Обком вынужденно просил ЦК ВКП(б) освободить Александровский, Васюганский, Верхнекетский, Каргасокский, Парабельский и Пудинский районы от поставок продуктов полеводства, утверждая, что это будет иметь решающее значение для закрепления населения в северных районах [Там же. Л. 179]. В других отдалённых северных районах области – Бакчарском, Колпашевском, Мочановском, Парбигском, Кривошеинском, Тегульдетском, Пышкино-Троицком и Чаинском – имелось до 180–200 колхозов, находящихся в таком же положении, что и колхозы крайних северных районов. В них также численность населения, по сравнению с 1940 г., уменьшилась в два раза. Обком просил хлебопоставки для этих районов уменьшить на 50% [Там же. Л. 181].

Просьбы были удовлетворены. Начиная с 1950 г. Васюганский, Верхнекетский, Каргасокский и Парабельский районы были полностью освобождены от обязательных поставок зерна государству. Всем остальным северным и Тегульдетскому районам нормы обязательных поставок зерна были снижены на 50%, а также были списаны недоимки прошлых лет по поставкам хлеба [Там же. Л. 182]. Кроме того, остановить обвальные процессы призваны были следующие политические усилия. Госплану СССР, Министерству трудовых резервов и Главному переселенческому управлению было поручено рассмотреть вопрос о переселении в Томскую область сельского населения из других областей страны. Также было уменьшено число крестьян, привлекаемых на лесозаготовки [10. Л. 8].

Помимо прочего, препятствием для экономического роста спецпереселенческих колхозов было то, что в процессе принудительного переселения крестьяне зачастую оказывались на неудобных для сельскохозяйственного производства землях. Яркой иллюстрацией этого было положение шести спецпереселенческих колхозов Белкинского сельсовета Парабельского района в конце 1940-х – начале 1950-х гг.

В 1950 г. в докладе секретарю Томского обкома ВКП(б) И.А. Смольянинову Парабельский райком

ВКП(б) отмечал, что в послевоенные годы эти колхозы экономически очень ослабли, в результате чего основная масса колхозников оказалась без средств к существованию. Хлеб государству был сдан не полностью, на трудодни не выдавался, семена были засыпаны не полностью. В качестве причин райком называл низкую урожайность и гибель посевов от неблагоприятных метеорологических условий. Земли колхозов были глинистые и малоплодородные, требующие внесения значительного количества удобрений, единственным из которых в местных условиях мог быть навоз.

Однако на территории сельсовета не было сенокосных угодий и скот содержался на заимках, расположенных в 60–70 км от колхоза, поэтому вносить навоз в почву не было возможности. В период с 1939 по 1949 г. посевы данных колхозов почти ежегодно подвергались заморозкам до созревания зерновых. Поля этих колхозов были расположены между двумя большими болотами, на склонах холмов, окружённых большими лесными массивами. Холодный воздух, сгущаясь в ночное время, опускался на низменные поля, образуя заморозок. Заморозкам также подвергались и индивидуальные огороды колхозников, поэтому зимой 1949–1950 гг. большинство колхозных семей не имели средств пропитания. Из-за недостатка семян ежегодно колхозами не засеивалась значительная часть пашни. В колхозах было мало тягловой силы, плохо развивалось животноводство из-за недостатков кормов. У колхозов накопилось много долгов. Такое экономическое состояние колхозов на протяжении ряда лет привело к резкому ухудшению материального благосостояния колхозников и вызвало их выбытие. Количество колхозного населения в 1948 г. сократилось, по сравнению с 1941 г., в 3,5 раза, а число трудоспособных колхозников – почти в 4,5 раза. Лишь в 1949 г. численность населения этих колхозов увеличилась за счёт вселения ссыльных латышей [11. Л. 91–96].

Проблема нехватки кадров ещё больше усугубилась с укрупнением колхозов. Колхозники подвергшиеся реформированию колхозов откликнулись усилением миграции из села. В документах Томского обкома и райкомов ВКП(б) в 1951 г. укрупнение колхозов называли причиной того, что крестьяне стали уезжать из колхозов. Многократно отмечалось, что хотя больших сселений произведено не было, спешка в вопросе сселения в один хозяйственный центр, уменьшение приусадебных участков колхозников привели к ухудшению трудовой дисциплины и недовольству колхозников, росту стремления уйти из колхоза [12. Л. 2–3].

В процессе объединения колхозов в их уставах стали уменьшать размеры приусадебных участков. К примеру, в колхозе «Победа» Асиновского района ранее приусадебный участок был 0,8–1 га, после укрупнения стал 0,15–0,35 га. Местные власти отмечали, что в этом и других колхозах «идут усиленные разговоры о том, что дальше мы останемся без хлеба в связи с объедине-

нием, что приусадебный участок мал, поэтому надо думать о том, чтобы уйти из колхоза всеми способами и средствами» [13. Л. 18].

Итак, в связи с укрупнением колхозов крестьяне, и не только северных районов, действительно стали массово уходить из колхозов. К примеру, из колхоза «Комсомолец» Асиновского района половина мужчин «всякими путями» ушли на производство, в сельпо, в заготовительные организации [Там же. Л. 3]. Уходили колхозники Асиновского района также в леспромхоз и химлесхоз, а руководители этих предприятий без документов принимали их на работу [Там же. Л. 9]. Действовал, можно сказать, принцип: «с лесопромышленных предприятий выдачи нет».

Аналогичная картина демонстрировалась на Пленуме Колпашевского райкома 15 апреля 1951 г. Начальник сплавконторы говорил о том, что слияние колхозов в районе проходило в самый разгар сенозаготовок. К нему в это время десятками шли колхозники устраиваться на работу вместо того, чтобы заниматься заготовкой сена [14. Л. 178]. А в Туганском районе председатель укрупнённого колхоза им. Советской Армии Разин говорил о том, что пущенный слух о переселении колхозников в одно село и непонимание этого вопроса колхозниками привело к тому, что колхозники стали покидать свои местожительства и переселяться в другие сёла, и поэтому сейчас ему, как новому председателю колхоза, очень трудно вести все подготовительные работы к весеннему севу [15. Л. 7]. Более того, в октябре 1950 г. отмечалось, что «большое желание о проведении скорейшего сселения выражает молодёжь из мелких колхозов, которые планом района намечаются объединяться и селиться в крупные сёла» [16. Л. 128].

Надо понимать, что сельское население несколько не выказывало признаков открытой конфронтации с властью, а миграции были обусловлены потребностью выжить в экстремальной ситуации, которая сложилась в послевоенные годы в сельской местности северных районов Томской области. В заселённых раньше районах, экономически более развитых и устойчивых, уровень миграции был намного ниже и миграции носили иной характер. Из этих районов, как правило, уезжали в города и райцентры отдельные представители семьи или рода. Они устраивались работать на производство, в торговые организации. Однако связи с деревней, а именно с оставшимися там родственниками, не прерывались. В период сельскохозяйственных работ они приезжали в деревню, увеличивая тем самым сезонно необходимые личному крестьянскому хозяйству трудовые ресурсы, а в обмен получали продукты питания. Эти практики можно трактовать как своеобразную реанимацию отхожего промысла, бывшего на протяжении значительного периода истории русской деревни довольно успешным механизмом регуляции и поддержания трудопотребительского баланса крестьянского хозяйства. По факту эти люди

оставались частью крестьянского хозяйства, а миграции населения из деревни были проблемой лишь для общественного производства.

Реакцией власти на негативные явления в сельскохозяйственном производстве были послабления по отношению к колхозам. В 1953 г. с целью преодоления отрицательных последствий нарушения принципа материальной заинтересованности, вызванного в целом тяжёлым положением колхозов, на сентябрьском пленуме ЦК КПСС был осуществлён переход к экономическим мерам руководства сельским хозяйством. В частности, была изменена система планирования сельскохозяйственного производства, были увеличены капитальные вложения в деревню и поставки колхозам и совхозам сельскохозяйственных машин, повышены закупочные и заготовительные цены на сельскохозяйственную продукцию с целью привести в соответствие цены на колхозную продукцию, поставляемую государству с затратами на её производство, был уменьшен сельхозналог, снижены налоги с личных подсобных хозяйств (ЛПХ) и с продажи их продукции на свободном рынке.

Однако к концу 1950-х гг. денежные доходы многих колхозов по-прежнему не покрывали необходимой оплаты труда колхозников и накоплений оборотных средств для расширенного воспроизводства. За эти годы колхозы области накопили большие долги по государственным кредитам. Имели место большие непроизводительные затраты средств на производственные нужды, а именно на покупку семян и фуража, на общехозяйственные нужды и административно-управленческие расходы [17. Л. 60–61].

Что касается северных районов, то, несмотря на осуществлённый в начале 1950-х гг. перевод северных колхозов области с зернового производства на более выгодное для них животноводство и промыслы, население из этих районов продолжало выбывать. В частности, летом 1958 г. Александровский райком КПСС докладывал в Томский обком КПСС о том, что с 1955 по 1958 г. из сельскохозяйственных колхозов района выбыли 276 трудоспособных колхозников, в том числе за 7 месяцев 1958 г. – 145 человек, и много колхозников намереваются выбыть в ближайшее время. По состоянию на 1 августа 1958 г. трудоспособных в сельскохозяйственных колхозах осталось 489 человек [18. Л. 124–126]. С целью остановить такое выбытие колхозников райком КПСС часть сельхозартелей района предполагал перевести с сельскохозяйственного устава на рыболовецкий и провести укрупнение колхозов.

В рассматриваемый период ведущее положение в материальном обеспечении основной массы семей колхозников, работников МТС и совхозов занимало, как уже отмечалось, ЛПХ, в котором производились все необходимые для семьи продукты, не исключая и зерновые культуры [19. С. 212].

По мнению С.И. Толстова, с точки зрения положений организационно-производственной школы

А.В. Чаянова, структура трудозанятости крестьян в рассматриваемый период оставалась такой же, как в традиционном крестьянском хозяйстве. К этому времени в результате адаптационных практик, возникших в деревне первоначально на этапе капитализма, а затем в период коллективизации, крестьянское хозяйство превратилось в набор видов хозяйственной деятельности, осуществляемых как в пределах крестьянского двора (в так называемом ЛПХ, так и за его пределами [20. С. 51]. Крестьяне воспринимали работу в колхозе как один из интегрированных видов хозяйственной деятельности крестьянского двора и поэтому работали в колхозе, только если эта работа была им выгодна. Они не чувствовали личной ответственности за состояние колхозного производства и относились к колхозам потребительно, поэтому если колхоз был слаб и не мог достойно оплатить труд крестьян, от работы в нём стремились избавиться. Попавший в тяжёлую экономическую ситуацию колхоз на помощь крестьян и выправление ситуации за счёт их самоотверженной работы рассчитывать уже не мог и как следствие стремительно обезлюживал.

Как свидетельствуют источники, к колхозам со стороны крестьян в это время имело место двойное отношение. Часть крестьян стремилась их покинуть. Имеются многочисленные свидетельства того, что основная миграция крестьян из сельской местности происходила из экономически слабых колхозов. В частности, на упомянутом выше совещании по вопросам сельского хозяйства, состоявшемся 5 апреля 1951 г., отмечалось, что из тех колхозов, в которых положение тяжёлое, много молодёжи учится в школе медсестёр и других учебных заведениях, стремясь таким образом уйти из колхозов [6. Л. 10].

Подтверждением этому является следующий факт. В связи с тем что Постановлением Совета министров СССР от 7 октября 1949 г. предприятиям лесной промышленности было предоставлено право зачислять по своему усмотрению колхозников в постоянные работники предприятий лесной промышленности, оказалось, что кадровый состав предприятий лесной промышленности составляли колхозники преимущественно из мелких и экономически слабых колхозов, которые и без того испытывали крайне острый недостаток в рабочей силе. Отмечалось, что нередко были случаи, когда из мелких колхозов уходили в лесную промышленность последний кузнец, плотник, машинист и другой необходимый колхозу работник, без которого парализуется вся производственная деятельность в таком колхозе. В то же время из крупных и экономически сильных колхозов, наиболее обеспеченных рабочей силой, колхозники, как правило, не хотели оставаться на лесозаготовках в кадровом составе [9. Л. 107–108].

За время, так сказать, сосуществования крестьян с колхозами ими были наработаны всевозможные адаптационные практики, получившие в крестьяноведческой литературе название «оружие слабых» [21. С. 26–

59], позволявшие крестьянам использовать колхозные ресурсы для нужд крестьянского двора. Это обстоятельство возвращало крестьянам смысл оставаться в деревне. Многочисленные свидетельства таких практик содержатся в решениях райкомов и обкома партии, во всевозможных справках по выявлению и ликвидации фактов нарушений Устава сельхозартели в колхозах. Им стали придавать значение, считая их причиной проблем в колхозном производстве. Первые документы такого рода стали появляться после Постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 19 сентября 1946 г. «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельхозартели в колхозах».

Многочисленные источники на протяжении всего рассматриваемого периода показывают, что в колхозах проживали много нарушителей Устава сельхозартели, власти называют этих людей стяжателями, туеядцами, колхозными захребетниками, антиобщественными элементами. Говорилось, что они чрезмерно раздували личное хозяйство и систематически уклонялись от участия в колхозном производстве [22. Л. 263]. По наблюдению властей, раздувание ЛПХ непременно совпадало с нерадением к труду в колхозе. Отмечалось также наличие большого числа колхозников, не вырабатывавших минимума трудодней; многочисленные случаи бесхозяйственности, грубого нарушения зоотехнических и ветеринарных правил, отчего происходил большой падёж скота; незаконный расход скота в колхозах на так называемые внутриколхозные нужды; «противоуставной» («пайковой») характер распределения доходов, который приводил к переавансированию колхозников; использование из средств капиталовложений значительных сумм на нужды потребительского характера; использование колхозного имущества, техники, кормов, сенокосных угодий для нужд крестьянских хозяйств [3. Л. 114, 178, 180, 183, 189, 190, 193–194; 4. Л. 190–191; 7. Л. 3; 23. Л. 17, 19; 24. Л. 21; 25. Л. 15; 26. Л. 11; 27. Л. 111–114; 28. Л. 301–303; 29. Л. 24].

Власть предприняла попытку сбалансировать интересы ЛПХ и колхозного производства (данная мера осталась в памяти жителей деревни как «хорошая» реформа Маленкова). В 1953 г. сентябрьским пленумом был снят ряд административных ограничений с ЛПХ. Была списана задолженность по поставкам продуктов животноводства и картофеля, уменьшены нормы обязательных поставок с ЛПХ колхозников, снята полностью недоимка по сельхозналогу прошлых лет. Были снижены налоги с ЛПХ и с продажи их продукции на свободном рынке. В 1954 г. ЛПХ колхозников были освобождены от обязательных поставок зерна. Это ещё больше послужило стимулом для расширения колхозниками ЛПХ. В Томской области в 1951–1959 гг. поголовье свиней, овец и коз в хозяйствах колхозников увеличилось в 2,2 раза (с 56,8 до 127,6 тыс.) [30. Л. 47].

Крестьяне не преминули воспользоваться ситуацией, сконцентрировались на труде в ЛПХ и стали, как

уже отмечалось, индифферентно относиться к труду в колхозе. В конце 1950-х – начале 1960-х гг. в колхозах области было много трудоспособного населения, которое не принимало участия в общественном труде. В начале 1960-х гг. в отдельных колхозах Зырянского района до 40% колхозников не принимали участия в колхозном труде [31. Л. 37]. Как указывалось в документах, «эти колхозники жили своим единоличным хозяйством, зачастую имели своих лошадей и инвентарь (сбруи, телеги и другие средства производства)», несмотря на запрет, содержащийся в Уставе сельхозартели [Там же. Л. 78]. В конце 1950-х – начале 1960-х гг. по-прежнему много нарушителей Устава сельхозартели было в вопросе содержания скота в личном пользовании. К примеру, в колхозе «Россия» Шегарского района три четверти колхозных дворов имели больше скота и большие земельные участки, чем это предусмотрено Уставом [32. Л. 41]. При этом большое количество скота в личной собственности колхозников было, как правило, в отстающих хозяйствах [31. Л. 20]. Продолжалось безучётное и бесхозяйственное расходование колхозного имущества, кормов, сенокосных угодий, техники на непроизводственные нужды. Был большой перерасход горючего. Повсеместно практиковалось предоставление транспорта колхозникам для поездки на базар, вспашки огородов по заниженным ценам или бесплатно [33. Л. 6; 34. Л. 16].

Далеко не все колхозы выдавали сено на трудодни, а большинство разрешало заготавливать его колхозникам самим. Томский обком КПСС 28 апреля 1960 г. в документе «О грубых нарушениях Устава сельхозартели в колхозах области и мерах по их устранению» отмечал, что «такой порядок использования сенокосов приводит к тому, что колхозники заготавливают непомерно большое количество кормов для личного скота, тогда как общественное поголовье ежегодно не обеспечивается кормами» [Там же. Л. 7]. Как и прежде, гибло много общественного скота из-за нерадивого отношения к нему, недостаточного обеспечения его кормами [34. Л. 17]. Конкретные причины гибели скота и птицы зачастую не выяснялись, а списывались на убытки колхозов [35. Л. 6]. Продолжала существовать практика, когда незаконно мало производили отчислений в неделимый фонд, в отдельных колхозах средства неделимого фонда незаконно расходовались на текущие производственные нужды и даже выдавались колхозникам на трудодни [33. Л. 5].

Во многих колхозах не соблюдался принцип демократического управления делами артели. Общие собрания колхозников, собрания уполномоченных и заседания правлений проводились редко. Многие важные вопросы колхозной жизни, подлежащие рассмотрению общих собраний колхозников или собраний уполномоченных, решались правлениями и председателями колхозов [Там же. Л. 7]. Правления редко отчитывались в своей деятельности на общих собраниях. Например, в колхозе им. Калинина Каргасокского района в течение

восьми месяцев 1959 г. не проводились общие собрания. Власти отмечали, что такое положение приводило к тому, что председатели и члены правления колхозов переставали чувствовать ответственность перед колхозниками [34. Л. 17].

Все эти так называемые нарушения устава сельхозартели, приводившие к снижению эффективности колхозного производства и управляемости колхозным производством для деревенской поселенческой сети, имели парадоксальным образом стабилизирующее значение. Деревня на некоторое время вновь стала привлекательной для проживания. Как бы то ни было, но послевоенная долгая и кропотливая работа по восстановлению и развитию сельскохозяйственного производства, а затем и реформы середины 1950-х гг. давали исторический шанс, поняв и приняв логику хозяйственного поведения крестьянства, сохранить деревню, остановить процессы ухода из деревни молодёжи на уровне производственно-демографического баланса, когда только излишняя, с точки зрения функционирования крестьянского хозяйства, рабочая сила должна уходить из деревни. При безусловной ориентации крестьян на развитие собственного хозяйства складывалась ситуация, когда чем более благоприятными были условия для развития ЛПХ, тем больше трудовых ресурсов ему было необходимо и тем меньше была миграция из деревни.

Однако в этих практиках Н.С. Хрущёв разглядел только угрозу для социалистического производства и в конце 1950-х гг. вернулся к практике принуждения колхозников к большей работе в колхозах. В первую очередь была создана идейная атмосфера недоброжелательности вокруг ЛПХ. Утверждалось, что ведение своего хозяйства развивает у колхозников стремление к наживе и обогащению, ведёт к хищению общественной собственности, нарушению трудовой дисциплины, снижению интереса к общественному труду. На декабрьских пленумах ЦК КПСС в 1958 и 1959 гг. заявлялось об отмирании ЛПХ, о том, что колхозникам становится выгоднее получать продукты от колхозов, а не производить их в ЛПХ. Местные власти получили задание производить обмеры приусадебных земель, урезать участки, превышающие нормы, скупать скот у колхозников [36. С. 111].

В результате с 1959 г. численность скота в ЛПХ колхозников Томской области стала падать, количество крупного рогатого скота с 1958 по 1960 г. уменьшилось на 8,3%, в последующие два года – почти на 40%. Уменьшение поголовья свиней, овец и коз было не таким сильным. В 1958 и 1959 гг. по инерции происходил ещё некоторый рост поголовья. С 1960 по 1965 г. уменьшение свиней произошло на 40%, овец и коз – на 45% [30. С. 47]. С 1959 по 1964 г. общая площадь земельных участков личного пользования снизилась в целом по РСФСР на 10%, по Западной Сибири – на 18%. Сократилось количество скота, особенно крупного рогатого. В 1964 г. поголовье от уровня 1958 г. со-

ставляло в Томской области по крупному рогатому скоту – 69,3%, по коровам – 74%, по свиньям – 98%, по овцам и козам – 92,5% [36. С. 111–112].

Констатируя имманентно свойственную крестьянству «мелкобуржуазную сущность», которая проявлялась как раз в стремлении крестьян сосредоточиться на личном хозяйстве, Н.С. Хрущёв искал способы ликвидировать условия, которые «развращают человека и превращают его в собственника» [37. Л. 36–37]. Для него было очевидно, что нужно бороться именно с деревней как с местом сохранения и воспроизводства крестьянской идентичности и превратить крестьян в сельскохозяйственных рабочих. Для этого в 1955–1957 гг. было осуществлено новое укрупнение колхозов и была возрождена бытовавшая в начале десятилетия идея создания агрогородов. В 1958 г. в Томской области было 283 колхоза, в 1960 г. – 142, в 1963 г. – 106, в 1964 г. – 83. В период с 1953 по 1959 г. в области был один совхоз, в 1960 г. – 13, в 1962 г. – 14, в 1964 г. – 16 [30. Л. 88, 90; 39. Л. 64].

Перманентное реформирование и конкретные усилия власти привели к перелому в логике адаптационного поведения крестьян. Крестьяне не сумели приспособить новые условия хозяйствования к интересам своего хозяйства и вынуждены были лишь маргинально принарабливаться к ним. Старшее поколение, обманувшееся в своих ожиданиях и представлениях, стало провоцировать отъезд детей из деревни в город. Со свёртыванием ЛПХ крестьянскому двору стало нужно гораздо меньше рабочих рук, и детей стали отправлять туда, где жизнь казалась лучше, – в города на производство. Преимущества городской жизни к этому времени приобрели характер психологического давления на селян, а проживание в деревне в условиях запрещения ЛПХ становилось бессмысленным [20. С. 54]. Численность сельского населения Томской области с 1959 по 1965 г. уменьшилась на 9,92%. Доля сельского населения в этот период в общей численности населения области уменьшилась с 51,8 до 45,4% [39. С. 5; 40. С. 3].

Таким образом, ограничительная по отношению к ЛПХ политика власти привела к мировоззренческому перелому у сельских жителей, который, в свою очередь, – к ещё большей, безоглядной миграции крестьян из деревни. В конце 1950-х гг. существовавшая на протяжении всего рассматриваемого периода миграция крестьян из села стала поведенческой доминантой, что, конечно же, не могло не волновать власть. Но истинных оснований миграций она так и не распознала. Причинами выбытия населения из колхозов во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. власти называли низкую оплату труда в колхозах и недостатки в организации культурно-бытового, медицинского обслуживания, школьного образования [41. Л. 85]. Снизить уровень миграции власть планировала путём развития индустриального сельскохозяйственного производства и улучшения культурно-бытового обслуживания сельского населения.

Поставив так вопрос, очень скоро пришли к выводу, что и экономическому, и культурному развитию колхозов мешает исторически сложившееся расселение сельского населения по мелким населённым пунктам. Логическим следствием таких подходов к закреплению кадров на селе стала воплотившаяся на практике с начала 1960-х гг. расселенческая политика, предусматривавшая в первую очередь concentra-

цию сельского населения. Одновременно с этим расселенческая политика разрабатывалась как комплекс практических мероприятий по созданию агрогородов, с одной стороны, и ликвидации «неперспективных деревень» – с другой. И, таким образом, расселенческая политика мыслилась властью инструментом борьбы с существованием традиционной деревни как таковой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Центр документации новейшей истории Томской области (далее – ЦДНИ ТО). Ф. 607. Оп. 1. Д. 733.
2. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2948.
3. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1581.
4. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1474.
5. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1572.
6. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1482.
7. ЦДНИ ТО. Ф. 935. Оп. 1. Д. 216.
8. ЦДНИ ТО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 590.
9. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1152.
10. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1475.
11. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1156.
12. ЦДНИ ТО. Ф. 935. Оп. 1. Д. 219.
13. ЦДНИ ТО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 415.
14. ЦДНИ ТО. Ф. 495. Оп. 1. Д. 490.
15. ЦДНИ ТО. Ф. 959. Оп. 1. Д. 168.
16. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1402.
17. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. Р-829. Оп. 3. Д. 480.
18. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2727.
19. *Крестьянство Сибири в период упорядочения и развития социализма*. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-е, 1985. 395 с.
20. Толстов С.И. Крестьянская идентичность в колхозно-совхозной деревне Сибири // Вторая Россия: дифференциация и самоорганизация. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2012. С. 44–63.
21. Скотт Дж. Оружие слабых: обыденные формы сопротивления крестьян // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. 1996. М. : Аспект-Пресс, 1996. С. 26–59.
22. ЦДНИ ТО. Ф. 888. Оп. 1. Д. 460.
23. ЦДНИ ТО. Ф. 495. Оп. 1. Д. 503.
24. ЦДНИ ТО. Ф. 252. Оп. 1. Д. 703.
25. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1447.
26. ЦДНИ ТО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 535.
27. ЦДНИ ТО. Ф. 495. Оп. 1. Д. 474.
28. ЦДНИ ТО. Ф. 495. Оп. 1. Д. 475.
29. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1470.
30. Народное хозяйство Томской области. Статистический сборник. М. : Статистика, 1965. 198 с.
31. ЦДНИ ТО. Ф. 5403. Оп. 1. Д. 3.
32. ЦДНИ ТО. Ф. 888. Оп. 1. Д. 454.
33. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2906.
34. ЦДНИ ТО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 1023.
35. ГАТО. Ф. Р-829. Оп. 7. Д. 5388.
36. Карпунина И.Б., Мелентьева А.П., Ильиных В.А. Сельское население Западной Сибири в 1960–1980-е гг. (факторы, тенденции и результаты социально-демографической адаптации). Новосибирск : ГУП РПО СО РАСХН, 2003. 190 с.
37. ЦДНИ ТО. Ф. 5402. Оп. 1. Д. 3.
38. Андреев С.Н. Аграрные преобразования в Западной Сибири в 1953–1964 гг. Новосибирск, 2007. 210 с.
39. Народное хозяйство Томской области за 60 лет. Статистический сборник. Томск : Статист. управление Томской области, 1977. 191 с.
40. Народное хозяйство Томской области за 1976–1980 годы. Статистический справочник. Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1982. 94 с.
41. ЦДНИ ТО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 1042.

Usoltseva Olga V. Humanitarian lyceum (Tomsk, Russian Federation). E-mail: usoltseva@list.ru

SOCIAL AND ECONOMIC CONDITIONS OF CHANGING RURAL POPULATION DISTRIBUTION OF TOMSK REGION IN THE SECOND HALF OF THE 1940S – EARLY 1960S.

Keywords: rural population distribution; the second half of the 1940s – early 1960s; Tomsk region; migration.

At the integration of peasant farms into collective farms the population of the collective village as a labor force required to "treat" the historically given production capacity of collective farming became an indicator of the village viability. The village has inevitably become more sensitive to the social and economic reality, external and internal to it, and to the targeted population distribution policy. Changing rural population distribution in the post-war USSR could not but be caused by these factors. From the mid 1940s to the beginning of the 1960s the rural settlements have spontaneously disappeared as a result of social and economic processes, in particular, due to the difficult situation in the agricultural production of the northern districts of the region, causing migration of people from villages, consequently, the depopulation of rural settlements. Depressing factors of collective farming were a great diversion of the collective farmers from the direct work on the collective farms (e.g., work on logging); the duty of the collective farms of the northern districts of the region (since 1940 year) to carry out the bread delivery, therefore, the necessity to switch to grain production to the detriment to more profitable trades and livestock breeding; the location of many collective farms of specially relocated people on inconvenient land for agricultural production. In the study period ideological, but mostly social and economic background for the formation of population

distribution policies were arisen. During coexistence with the collective farms peasants have acquired the adaptative practices which threaten to the social production in terms of authorities. Farmers are increasingly focused on work in private farms and have an indifferent attitude toward the work on the collective farm. For authorities the fight with the village as a place of preservation and reproduction of peasant identity and the transformation of peasants into agricultural workers became relevant. Therefore, a new consolidation of the collective farms was done and the idea to create agro cities existing in the early decades was revived. By the end of the study period the logic of adaptative peasant behavior is being changed due to their worldview modification under the influence of government attempts to force the collective farmers to work more on collective farms by limiting private farms. In turn, this has reinforced the strong migration of peasants from the countryside. However, in terms of authorities the reasons for the disposal of the population of the collective farms in the second half of the 1950s – early 1960s were low pay in collective farms and shortcomings in the organization of cultural, household, health care, and schooling. The authorities planned to reduce the migration through the development of agricultural production and improvement cultural and household services for the rural population. They very soon come to the conclusion that the economic and cultural development of the collective farms is prevented by the historically established rural population distribution on small inhabited locality. The logical consequence of such approaches to attach the personnel in rural areas was the relocation policy embodied in practice since the early 1960s to eliminate "unpromising villages" and to concentrate of the rural population in the central collective farm.

REFERENCES

1. The Documentation Centre of the Modern History of Tomsk region (hereinafter referred to as TsDNI TO). Fund 607. List 1. File 733. (In Russian).
2. TsDNI TO. Fund 607. List 1. File 2948. (In Russian).
3. TsDNI TO. Fund 607. List 1. File 1581. (In Russian).
4. TsDNI TO. Fund 607. List 1. File 1474. (In Russian).
5. TsDNI TO. Fund 607. List 1. File 1572. (In Russian).
6. TsDNI TO. Fund 607. List 1. File 1482. (In Russian).
7. TsDNI TO. Fund 935. List 1. File 216. (In Russian).
8. TsDNI TO. Fund 91. List 1. File 590. (In Russian).
9. TsDNI TO. Fund 607. List 1. File 1152. (In Russian).
10. TsDNI TO. Fund 607. List 1. File 1475. (In Russian).
11. TsDNI TO. Fund 607. List 1. File 1156. (In Russian).
12. TsDNI TO. Fund 935. List 1. File 219. (In Russian).
13. TsDNI TO. Fund 27. List 1. File 415. (In Russian).
14. TsDNI TO. Fund 495. List 1. File 490. (In Russian).
15. TsDNI TO. Fund 959. List 1. File 168. (In Russian).
16. TsDNI TO. Fund 607. List 1. File 1402. (In Russian).
17. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund R-829. List 3. File 480. (In Russian).
18. TsDNI TO. Fund 607. List 1. File 2727. (In Russian).
19. Aniskov V.T. (ed.) *Krest'yanstvo Sibiri v period uprocheniya i razvitiya sotsializma* [The peasants in Siberia during the consolidation and development of socialism]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1985. 395 p.
20. Tolstov S.I. *Krest'yanskaya identichnost' v kolkhozno-sovkhoznoy derevne Sibiri* [The peasant's identity in collective and state farm village in Siberia]. In: *Vtoraya Rossiya: differentsiatsiya i samoorganizatsiya* [The second Russia: differentiation and self-organization]. Moscow: Delo Publ., 2012, pp. 44-63.
21. Scott J. *Oruzhie slabykh: obydennye formy soprotivleniya krest'yan* [The weapon of the weak: everyday forms of resistance of the peasants]. In: *Krest'yanovedenie. Teoriya. Istoriya. Sovremennost'. Ezhegodnik 1996* [The studies of peasantry. Theory. History. Modernity. Yearbook 1996]. Moscow: Aspekt-Press Publ., 1996, pp. 26-59.
22. TsDNI TO. Fund 888. List 1. File 460. (In Russian).
23. TsDNI TO. Fund 495. List 1. File 503. (In Russian).
24. TsDNI TO. Fund 252. List 1. File 703. (In Russian).
25. TsDNI TO. Fund 607. List 1. File 1447. (In Russian).
26. TsDNI TO. Fund 101. List 1. File 535. (In Russian).
27. TsDNI TO. Fund 495. List 1. File 474. (In Russian).
28. TsDNI TO. F. Fund 495. List 1. File 475. (In Russian).
29. TsDNI TO. F. Fund 607. List 1. File 1470. (In Russian).
30. *Narodnoe khozyaystvo Tomskoy oblasti. Statisticheskiy sbornik* [The economy of Tomsk region. The statistical collection]. Moscow: Statistika Publ., 1965. 198 p.
31. TsDNI TO. Fund 5403. List 1. File 3. (In Russian).
32. TsDNI TO. Fund 888. List 1. File 454. (In Russian).
33. TsDNI TO. Fund 607. List 1. File 2906. (In Russian).
34. TsDNI TO. Fund 101. List 1. File 1023. (In Russian).
35. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund R-829. List 7. File 5388. (In Russian).
36. Karpunina I.B., Melent'eva A.P., Il'nykh V.A. *Sel'skoe naselenie Zapadnoy Sibiri v 1960–1980-e gg. (faktory, tendentsii i rezul'taty sotsial'no-demograficheskoy adaptatsii)* [The rural population of Western Siberia 1960–1980. (Factors, trends and results of socio-demographic adaptation)]. Novosibirsk: GUP RPO SO RASKhN Publ., 2003. 190 p.
37. TsDNI TO. Fund 5402. List 1. File 3. (In Russian).
38. Andreenkov S.N. *Agrarnye preobrazovaniya v Zapadnoy Sibiri v 1953–1964 gg.* [Agrarian reforms in Western Siberia in 1953–1964]. Novosibirsk: SB RAS Publ., 2007. 210 p.
39. *Narodnoe khozyaystvo Tomskoy oblasti za 60 let. Statisticheskiy sbornik* [The economy of Tomsk region for 60 years. Statistical collection]. Tomsk: Department of Statistics of Tomsk Region Publ., 1977. 191 p.
40. *Narodnoe khozyaystvo Tomskoy oblasti za 1976–1980 gody. Statisticheskiy spravochnik* [The economy of Tomsk region for 1976–1980. A Statistical Handbook]. Novosibirsk: West-Siberian Book Publ., 1982. 94 p.
41. TsDNI TO. Fund 101. List 1. File 1042. (In Russian).